

Элизабет Мид-Смит

**Семь молоденьких девиц, или
Дом вверх дном**

Элизабет Мид-Смит

**Семь молоденьких девиц,
или Дом вверх дном**

«Public Domain»

1904

Мид-Смит Э.

Семь молоденьких девиц, или Дом вверх дном / Э. Мид-Смит —
«Public Domain», 1904

«Никогда в жизни я не забуду того дня, когда все было решено окончательно. Я одевалась в своей комнате. Мне отчетливо помнится, как солнце ярко светило в наши красивые решетчатые окна, а приятный легкий ветерок раздувал белые занавеси. Моя мама порывисто вошла ко мне и взволнованно сказала...»

© Мид-Смит Э., 1904

© Public Domain, 1904

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Элизабет Мид-Смит
Семь молоденьких девиц,
или Дом вверх дном

Глава I

Ожидание гостей

Никогда в жизни я не забуду того дня, когда все было решено окончательно. Я одевалась в своей комнате. Мне отчетливо помнится, как солнце ярко светило в наши красивые решетчатые окна, а приятный легкий ветерок раздувал белые занавеси. Моя мама порывисто вошла ко мне и взволнованно сказала:

– Я должна объявить тебе наше решение, Мэгги. Я знаю, это будет не особенно приятно, но тебе необходимо с этим примириться. Твой отец не вполне доволен этим планом, но в конце концов, как я полагаю, все устроится к лучшему.

– Ах, мама! – вскричала я, бросаясь к ней и обнимая ее. – Ах, мама! О чем ты говоришь? Я ничего не понимаю.

– Ты уже давно знаешь, Мэгги, – печальным голосом проговорила мама, – что твой отец лишился большей части своего состояния; он все надеялся поправить свои дела, но теперь дело дошло до кризиса.

Конечно, я знала о денежных затруднениях отца. Мне часто приходилось слышать разговоры об этом в течение последних двух лет. Разве не от этих затруднений в значительной степени пострадала жизнь Джека, моего единственного брата – умного, веселого и дорогого моему сердцу? Он был на год старше меня, а мне уже минуло четырнадцать. Со временем ему предстояло поступить в Итонский колледж, а затем в Оксфордский университет. Но вследствие того, что отец потерял состояние, этот план рухнул. Правда, Джек был помещен в хорошую школу, но все-таки не в Итон, а об университете ему, конечно, нечего было и думать; по окончании школы ему предстояло поступить в торговую контору одного из наших родственников в Лондоне.

– Я ничего не говорила тебе раньше, – продолжала мама, – так как не хотела огорчать тебя, прежде чем мы с твоим отцом окончательно решим это дело. Но теперь я получила согласие от леди Конвей, миссис Драммонд и мистера Спаркса. Все юные девицы приезжают к нам, и даже скорее, чем я ожидала; вот я и поспешила предупредить тебя.

– Постой, мама, ты просто сводишь меня с ума! – воскликнула я. – Кто такие эти леди Конвей, миссис Драммонд и мистер Спаркс?

– Присядь, Мэгги, – сказала мама. – Я действительно еще ничего тебе не объяснила; нам с тобой надо спокойно обо всем потолковать.

Мама обняла меня за талию и усадила рядом с собой на мою кровать; я прижалась к ней, и сердце мое сжалось от неприятного предчувствия.

– Говори же скорее, мама! – попросила я. – Что это за таинственные личности, о которых ты упомянула?

– Выслушай меня, Мэгги. Твой отец и я, мы давно думаем, как бы нам поправить наши обстоятельства – хотя бы настолько, чтобы быть в состоянии дать тебе приличное образование. Тебе ведь, дитя мое, уже пора учиться языкам, музыке и вообще многому такому, чему мы не в состоянии учить тебя дома без помощи образованной учительницы. Вот мы и придумали: мы можем достичь цели, взяв к себе на полный пансион нескольких молоденьких девиц, которые будут воспитываться вместе с тобой. Это даст нам возможность расширить программу твоих занятий и вместе с тем будет выгодно с хозяйственной точки зрения.

– Ах, милая мама! – начала было я, вскочив со своего места, но мама удержала меня своей сильной рукой.

– Пожалуйста, не возражай, прежде чем не выслушаешь всего, – сказала она. – Мы с твоим отцом окончательно решили этот вопрос и сегодня узнали, что родители тех девиц,

которых мы имели в виду, согласны на все наши условия. Итак, к нам завтра приедет, во-первых, Веда Конвей, мать которой собирается уехать к своему мужу в Индию; во-вторых, Люси Драммонд, с которой ты уже познакомилась в прошлом году в Фолкстоуне...

– Эта противная краснощекая девица! – вскричала я.

Мама ничего не возразила, а только вздохнула и продолжала:

– В-третьих, к нам приезжают две девушки-американки – Джулия и Адель Спаркс. Они сиротки, и о них заботится очень богатый дядя, который отдает своих племянниц на наше попечение – по крайней мере, на год. Все четыре девицы приезжают завтра вечером.

Тут я уже была не в силах больше сдерживать себя. До сих пор я пользовалась всеми привилегиями единственной дочери своих родителей, а теперь вдруг, совершенно неожиданно, четыре абсолютно чужие для меня девицы поселятся тут, в нашем доме! Они будут иметь право бегать по нашему саду, ласкать моих любимцев – собаку и кошку, а то еще, пожалуй, вздумают кататься на моем славном шотландском пони Бобби! Эти девицы будут жить здесь, в Гезельхартском приходском доме, у моего отца – пастора здешней церкви; когда мой брат Джек вернется домой, они захотят дружить с ним, и он, может быть, охотнее будет развлекаться с ними, чем со мной. Нет, все это ужасно! Это было выше моих сил! Кровь бросилась мне в голову, и, разразившись слезами, я вскочила с места.

– Это ужасно, это жестоко, и я этого не потерплю! – воскликнула я. – Я буду ненавидеть этих девиц, да-да, я буду презирать их от всей души, я устрою так, что им у нас не очень-то понравится! Да-да, я сделаю это, непременно, непременно сделаю!..

Я закрыла лицо руками и дала полную волю слезам. Но через несколько минут мне стало совестно перед мамой, и я решилась взять себя в руки. Оказалось, однако, что мамы уже не было в комнате, я была одна. Солнце по-прежнему сияло в окне, а снаружи какая-то птичка напевала свою утреннюю песенку. Я успокоилась, тем более, что внезапный уход мамы заставил меня образумиться. Правда, я поплакала еще некоторое время, но известно ведь, что даже самая капризная девица не станет давать волю своему характеру, когда рядом нет никого, кому можно было бы выразить свой гнев. Постепенно я поняла, что мне придется смириться с неизбежным. Дело было уже решенное; девушки должны были приехать на следующий день. Все мои жалобы и слезы не смогли бы предотвратить беду...

Я закончила свой туалет и на четверть часа позже обычного появилась в столовой.

Мне всегда казалось, что на свете нет другой такой красивой комнаты, как наша столовая. И сегодня, несмотря на то, что я была в дурном расположении духа, эта комната выглядела такой же веселой и уютной, как всегда. Отец сидел на своем обычном месте, занятый чтением газеты, когда я тоже заняла привычное место у стола.

– Ах, Мэгги, – сказал он, слегка потрепав меня по плечу, – ты что-то запоздала сегодня.

Мама, разливавшая кофе, передала мне чашку и сказала своим обычным бодрым, деловитым тоном:

– Поторопись, милая Мэгги. Мы опоздали с завтраком, а дел нам сегодня предстоит много.

Обращение моей мамы было очень дружелюбным, и отец, как мне показалось, был особенно ласков со мной, но я почему-то тотчас же поняла, что, несмотря на выраженное мной неудовольствие, все оставалось так, как было решено ими, и чужие девицы все-таки приедут в наш дом. Значит, мне оставалось только одно – примириться с этим фактом.

Покончив со своим завтраком, я не спеша вышла в сад, а вскоре вслед за мной туда же пришел и папа.

– Подойди сюда, Мэгги, – подозвал он меня к себе, – мне надо с тобой поговорить.

Надо сказать, что мой отец был чудный, благороднейший человек, и как же искренне и горячо я его любила!

Впрочем, имя пастора Джона Гильярда пользовалось всеобщим почтением и любовью, так как мой отец был не только честный, справедливый, но и высокогуманный человек, и все, кому доводилось иметь с ним дело, проникались к нему глубокой симпатией.

– Я очень сожалею, Мэгги, но другого выхода у нас нет, – начал папа, ласково обняв меня. – Потеря нашего состояния вынуждает меня и твою мать для поправления наших обстоятельств взять в дом несколько чужих девушек. Ты этим очень недовольна, как я слышал от твоей матери, но со временем ты привыкнешь к новому порядку в доме. Кроме того, тебя должно бы радовать, что вместо того чтобы поступать в какое-нибудь учебное заведение, ты будешь иметь возможность получить хорошее образование у себя дома. Разумеется, вначале тут будут некоторые неудобства, но ради меня и твоей мамы ты, надеюсь, постарайся отнестись к нашему решению благоразумно и не захочешь огорчать нас своим нелюбезным отношением к твоим новым подругам.

– Все это для меня так неожиданно... – начала я.

– Я понимаю, дитя мое, что тебе эта новость неприятна, но мы с твоей мамой решили ничего не говорить тебе, пока мы сами не будем окончательно уверены, что это дело устроится. Теперь, Мэгги, ты должна понять, что без твоего содействия наше предприятие может потерпеть полную неудачу. Твоя мама и я со своей стороны приложим все усилия, чтобы предоставить приезжим девицам все удобства, но сделать их пребывание в нашем доме приятным – это будет полностью зависеть от тебя. Поэтому если ты откажешься содействовать нам, то мне лучше сразу же предупредить леди Конвей и других родственников девушек, и тем самым положить конец этому делу.

– Неужели, папа, ты готов сделать это ради меня? – спросила я, в сильном волнении взглянув на отца.

– Да, дорогая моя, – отвечал он. – Если ты не пожелаешь нам помочь, то нам придется изменить наши планы; лучше отказаться от них теперь же, чем когда уже будет поздно. Если же ты постарайся взять себя в руки и проявишь готовность быть нам полезной в этом деле, то, поверь, не только дело пойдет хорошо, но ты и сама будешь довольна от сознания исполненного долга. Да и вообще ты во многом выиграешь от общения с девицами твоего же возраста. Вначале, милая моя, дело это ни для кого из нас не будет легким и приятным. Но если уж приходится идти навстречу трудностям, то всегда лучше идти смело и весело. Признайся откровенно: готова ли ты быть бодрой и смелой? Ведь так неохотно приступая к делу, ты сразу обрекаешь его на неудачу.

– Нет, папа, я постараюсь быть бодрой, – заверила я отца. – Мне это очень трудно, я даже не могу выразить, как мне это трудно, но я постараюсь быть любезной с этими девушками, так как вы с мамой этого желаете.

– Вот и прекрасно, – промолвил папа, – я не сомневался, что моя любимая славная дочурка не захочет испортить наши планы, когда уже дело улажено. Теперь, милая моя, я пойду и займусь своими приходскими делами, а ты ступай к своей маме, ей надо о многом с тобой поговорить.

– Обещаю тебе, папочка, что ради тебя и мамы я постараюсь побороть свои чувства и быть благоразумной, – порывисто воскликнула я и протянула руки к папе в ожидании его ответной ласки.

Отец одобрительно взглянул на меня и, положив свою руку мне на голову, обнял меня и сказал:

– Да благословит тебя Господь, дитя мое, и да поддержит Он тебя в твоём добром намерении.

Глава II

Развенчанная принцесса

Весь день мы с мамой были очень заняты. Теперь, когда окончательно было решено, что к нам приедут эти девицы, я уже больше не возражала и принялась усердно помогать маме в ее хлопотах. Ожидаемый приезд чужих девушек менял весь наш домашний уклад. Пока я это еще только смутно сознавала, но сразу принялась с каким-то лихорадочным рвением переворачивать вверх дном всю нашу обстановку. Надо признаться, что я, Маргарет Гильярд, четырнадцатилетняя девица, была полна различных причуд. Я всегда пользовалась в семье всевозможными преимуществами в качестве единственной дочери своих родителей, и это исключительное, приятное для меня положение отчасти способствовало тому, что я слишком много возомнила о самой себе. Я была не по годам требовательна и щепетильна и при этом преисполнена чувством собственного достоинства. Я считала, что все касающееся моей личной жизни должно служить главной моей заботой. Убранство моей комнаты, расположение моих любимых безделушек, час моего пробуждения, время моих занятий, развлечений – все это имело для меня первостепенное значение. Теперь – первый раз в моей жизни – мне пришлось забыть о личных удобствах и вкусах, так как в силу обстоятельств я вынуждена была отступить на второй план. Я оказалась как бы в положении развенчанной принцессы.

Мама моя была совсем иного характера, чем я: она всегда быстро находила решения и умела мириться с обстоятельствами, как бы тяжелы они для нее ни были. И теперь она просто объявила мне, что Веда Конвей займет большую зеленую комнату верхнего этажа нашего дома, рядом с моей спальней; что Люси Драммонд поместится вместе со мной в моей собственной комнате – в моей милой, хорошенькой комнате, окрашенной в светло-голубой цвет и с мебелью такого же цвета!

Девицы Спаркс должны были, по распоряжению мамы, занять большую комнату тоже в верхнем этаже, но на другой половине нашего дома.

– Видишь ли, Мэгги, – объяснила мама, когда мы с ней принялись за устройство моей спальни, – я полагаю, что тебе лучше всего разделить свою комнату с Люси Драммонд, а не с какой-либо другой девушкой, потому что ты с ней уже знакома.

– Ах, мама, – с трудом выговорила я, – мне это очень неприятно: эта Люси такая... такая краснощекая и самодовольная! – я прошла через комнату и присела на широкий подоконник. – Надеюсь, мне, по крайней мере, будет позволено сохранить свою собственную кровать?

– Не глупи, Мэгги, – совершенно спокойно отозвалась мама и, обратившись к горничной, приказала передвинуть мою кровать на новое место и поставить другую – для Люси.

Пока горничная с мамой хлопотали, я сидела на подоконнике в угрюмом молчании. Несмотря на мое обещание папе, что я буду стараться побороть себя, мне было страшно обидно: кто-то станет хозяйничать в моей комнате и даже моя кровать будет сдвинута с привычного места. Я чувствовала, что одна эта перемена изменит всю мою жизнь: просыпаясь по утрам, я уже не смогу, лежа в своей кровати, видеть ни гнездо реполова, свитое им в кустах около нашего дома, ни тонкую верхушку церковного шпиля, ни розы у крыльца дома, ни вьющиеся растения на низкой ограде, обрамляющей сад.

– Да что с тобой, Мэгги? – спросила мама. – Раз уж ты изъявила свое согласие и решила примириться с пребыванием у нас этих девиц, так, пожалуйста, не выходи из себя по таким пустякам, как перестановка кровати.

– Нет-нет, мама! – воскликнула я и, сделав над собой усилие, вскочила со своего места.

Еще за завтраком мама рассказала о некоторых других своих распоряжениях, отданных ею, чтобы сделать жизнь наших гостей по возможности приятной. Между прочим, мама уже

условились с одной преподавательницей естественных наук, которая должна была ежедневно заниматься с нами, пятью девицами, с учительницей немецкого языка, с учителями музыки и рисования.

– Таким образом, Мэгги, – заключила мама, – я радуюсь тому, что ты получишь все-стороннее образование, да и всем вам будет веселее вместе и учиться, и развлекаться в часы вашего досуга.

«Все эти планы просто ненавистны мне», – подумала я, не решаясь, однако, высказать свое негодование вслух. Я по-прежнему была всецело поглощена мыслями только о самой себе, о своих удобствах – вместо того чтобы проникнуться сознанием, что эта перемена в нашей жизни вызвана необходимостью, и постараться исполнить свой долг, покоровшись обстоятельствам. Мама заметила мое настроение и сказала мне:

– Помни, Мэгги, – что жертвуя своими интересами, ты оказываешь нам – твоему отцу и мне – огромную услугу. Не забывай об этом, и эта мысль будет служить тебе утешением и поддержкой, если тобой овладеет дурное расположение духа или если тебе покажется обидным, что ты уже не будешь играть главенствующей роли в доме. Тебе надо стать выше мелочных претензий и отнестись к перемене в доме с пониманием, как ты обещала папе и мне. Ну а теперь ступай, покатайся верхом, пользуйся хорошей погодой. Поверь мне, что общество сверстниц доставит тебе большое удовольствие, если только ты сумеешь подружиться с ними, забыв о самолюбии. Я даже не сомневаюсь, что не далее как через неделю ты почувствуешь себя такой счастливой, что не захочешь вернуться к прежней жизни. Иди же, дорогая, а я тут еще займусь по хозяйству.

Я вышла из дома, правда, вовсе не в веселом расположении духа и направились в нашу конюшню. Там я сама оседлала моего Бобби и поехала через лес по знакомым дорожкам, ведущим к деревне.

Вследствие уважения, которое питали к моему отцу жители нашего прихода, я тоже пользовалась их расположением. Они всегда приветствовали меня при встрече и, смотря по времени дня, желали мне доброго утра или доброго вечера. Если же встречавшиеся по пути дети были заняты собиранием полевых цветов, то всегда предлагали мне букетик. Мне нравились эти знаки внимания, мне льстило сознание, что я, как выражалась моя мама, среди них – точно принцесса.

«Вот эти люди, по крайней мере, не переменятся ко мне и всегда будут обращаться со мной по-прежнему, – думала я. – Они всегда будут помнить, что я – мисс Гильярд, дочь приходского пастора, и будут относиться ко мне совсем иначе, чем к тем четверем противным девицам, из-за которых все в доме пойдет кувырком».

Я проехала мимо великолепного поместья некоего сэра Уолтера Пенроуза, который редко жил в наших краях. Имение состояло из прекрасных рощ и садов, среди которых возвышался чудный старинный замок с высокой башней, окруженный крепостным валом; поблизости находилось несколько сторожек для множества слуг, которые поддерживали порядок в отсутствие владельцев замка.

Проезжая шагом мимо поместья, я увидела дочь одного из лесничих, сидевшую у сторожки. Это была хорошенькая девушка почти одних со мной лет; ее звали Сесилия Ферфакс, и моя мама была ее крестной матерью. Когда она была еще совсем маленьким ребенком, ее часто приносили к нам в дом и мы вместе играла в куклы. Когда же я подросла, моя мама решила, что мне не следует проводить с ней время, отвлекаясь от своих занятий. Я была очень привязана к Сесилии, но в последнее время редко виделась с ней. Теперь же, когда я увидела ее милое, веселое лицо, во мне возродилось чувство прежней симпатии к подруге моего детства и я ласково окликнула ее:

– Ну что, как ты поживаешь, Сесилия? Давненько мы с тобой не виделись!..

– Ах, мисс Маргарет! – вскричала Сесилия. – Как я рада вас видеть!

Сесилия бросилась ко мне, а ее карие глазки засияли от радости; она была такая свеженькая и стройная в своем чистеньком розовом ситцевом платье.

«Странно, – подумала я, – почему мама не позволяет мне дружить с этой милой девушкой; уж лучше было бы, если бы к нам в дом приходила она – вместо тех глупых, противных приезжих девиц». Но тут я вспомнила, что речь шла о поправлении наших денежных обстоятельств; кроме того, Сесилия была дочерью простого сторожа, и мне – в смысле поддержания собственного достоинства – не следовало особенно сближаться с ней.

– Как вы поживаете, мисс Маргарет? – повторила Сесилия. – Представьте, не более получаса тому назад я подумала, когда же я наконец увижу вас? Но что это вы сегодня какая-то грустная?

– У нас в доме предстоят большие перемены, – начала я, но тут же оборвала свою речь словами: – Что ты так впила в меня глазами, Сесилия? Это неприлично – так разевать рот!

– Ах, какая вы, право, мисс Маргарет! – воскликнула Сесилия с веселым смехом. – Расскажите же мне, что у вас такое затевается. У вас, как я вижу, какие-то важные новости.

– Да, именно, – отвечала я, – и, может быть, тебе эта новость вовсе не понравится.

– Мне? А разве это меня касается?

– И да, и нет, – сказала я. – Было время, Сесилия, когда мы были с тобой подругами.

– Да мы и теперь, как мне кажется, подруги, – отозвалась Сесилия, вопросительно глядя на меня. – По крайней мере, я ни с кем не заводила дружбы в нашей школе. Мне все казалось, что вам, мисс Мэгги, это может не понравиться – ведь там все девицы не вашего круга. Однако это ни к чему не привело, мы с вами все равно почти не видимся. Но в школе две девушки, Нетта Прайс и Энн Доусон, очень хотели бы дружить со мной.

– Что ж, ты можешь водить с ними дружбу, если желаешь, – сказала я. – Конечно, я всегда буду любить тебя, но ты знаешь, Сесилия, что я дочь пастора, а ты, ты... Сама знаешь, кто ты, – договорила я, неловко стараясь выпутаться из затруднительного положения.

Сесилия молчала, и я продолжала:

– В скором времени у меня будут новые подруги, одна из них дочь леди Конвей, а остальные – все настоящие барышни; они будут жить у нас в доме. Так что, Сесилия, лучше, чтобы ты знала всю правду. Теперь нам едва ли придется часто видаться друг с другом, поэтому лучше всего тебе подружиться с Неттой Прайс или с какой-нибудь другой девочкой.

– Хорошо, мисс Мэгги, – покорно отвечала Сесилия. – Я понимаю и благодарю вас, что вы меня хотя бы предупредили.

– Ах, да, Сесилия, – добавила я, – знаешь, что... Мне деньги могут скоро понадобиться. Я ведь не знаю, когда Джек может потребовать, чтобы я вернула ему его деньги. Ты обещала скоро отдать ваш долг.

– Да, мисс Мэгги, я поговорю с моим отцом. И как же вы были добры, что одолжили тогда эти деньги! Это спасло отца от потери его места. Я напому ему, непременно, мисс Мэгги.

– Да-да, смотри, не забудь, – сказала я и поехала дальше.

Я отлично понимала, что не должна была говорить с Сесилией в таком обидном тоне, но утешалась, повторяя самой себе:

– Бедная Сесилия! Она очень миленькая и очень мне нравится, но надо же было проучить ее немного. Необходимо было дать ей понять, насколько различно наше положение в жизни. Этим приезжим девицам мое сближение с ней может показаться странным. Я очень жалею теперь, что дала деньги Джеку взаймы ее отцу, но не могла же я им отказать, когда ему так нужна была помощь, к тому же Сесилия так меня умоляла...

На следующий день у нас осталось еще очень много дел – последние приготовления к приезду девушек. Время прошло незаметно, и скоро настал час отъезда моей мамы на станцию для встречи наших гостей. Было решено, что мама поедет одна, а я останусь дома, чтобы позаботиться о вечернем чае.

Было уже около восьми часов вечера, когда шум катившихся по песку колес заставил меня подойти к входной двери. Первой из экипажа вышла моя мама, а вслед за ней по очереди выпрыгнули четыре девицы.

«Ах, – подумала я, – как их много! Они заполняют весь наш дом и будут всюду толкаться и всем мешать. Как они будут мне надоедать!»

И когда в моей голове роились эти невеселые мысли, до моего слуха донесся веселый голос мамы:

– Мэгги, – звала она, – Мэгги, иди сюда!

Я подошла к ней, и она, взяв меня за руку, подвела к новым подругам.

– Вот это Веда Конвей, – сказала она. – А это – моя славная дочурка Мэгги. Познакомьтесь, милые дети; надеюсь, что вы полюбите друг друга, как сестры.

Я взглянула на высокую, стройную девушку, стоявшую предо мной; у нее были выразительные карие глаза и симпатичное, хотя и бледноватое лицо. Ее густые белокурые волосы гладкими прядями лежали у широкого открытого лба. В ней было нечто необычайно благородное, чувствовалось достойное спокойствие, перед которым мои предубеждения невольно начали рассеиваться. Я даже задала себе вопрос: «Неужели я ее полюблю? Ведь я была уверена, что возненавижу их всех! Во всяком случае, – подумалось мне, – я, наверное, буду ее уважать».

Она заговорила со мной приятным, ласковым голосом.

– Теперь, Мэгги, поздоровайся с твоим старым другом – Люси Драммонд, – продолжала мама, – и когда Люси звонко поцеловала меня в щеку, мне показалось, будто я из мира грез спустилась на землю. Ее круглая, добродушная, пышущая здоровьем фигура являлась прямой противоположностью воздушному образу Веды.

– Ага! Вот это да! – вскричала она. – Помните, как мы с вами веселились в Фолкстоуне, бегая по морскому берегу? Я пришла в восторг, когда моя мама объявила мне, что я буду жить у вас. Здесь у вас, кажется, всем нам будет чудесно!

Потом очередь дошла до американок.

Они оказались очень миловидными девицами – с большими ясными серыми глазами, тонкими чертами лица и хорошо сложенными фигурками. Сестры были удивительно похожи друг на друга. Они держали себя очень развязно, но в них было что-то необыкновенно оригинальное, смелое и симпатичное, даже несмотря на резкость их обращения.

– Я очень рада познакомиться с вами, мисс Гильярд, – обратилась ко мне старшая из сестер, Джулия. – Я узнала от вашей мамы, что мы с вами почти одних лет; мне скоро минет пятнадцать, а Адель четырнадцать лет. У нас в Америке в эти годы девицы считаются почти взрослыми. А теперь, мисс Маргарет, мы представились друг другу, и я буду вам очень благодарна, если вы будете столь любезны и укажете нам дорогу в нашу комнату.

– Да, пожалуйста, – прибавила ее сестра, – мы очень устали с дороги.

– И покрыты пылью с головы до ног, – добавила Джулия. – Нам надо бы хорошенько умыться и привести себя в порядок.

– Мэгги, – обратилась ко мне мама, – проводи Джулию и Адель наверх, в их комнату. А Веда и Люси пройдут наверх со мной.

Я отвела юных американок в их просторную комнату, где все уже было приготовлено к приему гостей.

Сообщив им довольно холодным тоном, в котором часу будет подан чай, я с минуту молча простояла у дверей их комнаты.

– Что это вы такая угрюмая, мисс Маргарет? Вы как будто бы не особенно довольны тем, что мы явились сюда и нарушаем уклад вашей домашней жизни, – заметила Адель, глядя на меня пронизывающим взглядом.

– Нет, отчего же, я очень рада вашему приезду, – сдержанно ответила я.

– На вашем месте я не говорила бы так, прежде чем не убедилась, понравимся мы вам или нет, – возразила Джулия. – Вы нас совсем не знаете, и мы не знаем вас. Мы ведь, американки, все с большими странностями, и мы это отлично понимаем.

Я чувствовала, что пока Джулия говорила, я вся покраснела, но, вместо того чтобы ответить ей в таком же непринужденном тоне, я упорно молчала. Она пристально, как бы испытующе посмотрела на меня и наконец сказала:

– Извините меня, мисс Маргарет, но, право, мне кажется, что было бы любезнее с вашей стороны, если бы вы сошли вниз и дали бы нам возможность умыться и причесаться без свидетелей. Ах, как вы краснеете! И как заблестели ваши глаза! Я подозреваю, что вы – особа с характером. Впрочем, мне нравятся девушки с характером; это лучше, чем мямли. Ну-с, пока – до скорого и приятного свидания!

Я собиралась уже закрыть дверь и спуститься вниз, но Адель подошла ко мне и, положив руку мне на плечо, проговорила:

– Вам, как любознательной англичанке, будет интересно наблюдать за нами. Предупреждаю вас, что мы всегда без стеснения обращаемся с окружающими нас людьми.

– Сделайте одолжение – не стесняйтесь; будет очень интересно наблюдать за вашими выходками, – насмешливым тоном ответила я. – Впрочем, мне вообще-то совершенно безразлично, как вы будете себя вести.

– Во всяком случае, в одном вы можете быть уверены: мы привыкли открыто и недвусмысленно выражать свое мнение, – крикнула мне вслед Джулия, в то время как я, громко захлопнув дверь их комнаты, быстро спускалась вниз по лестнице.

Глава III

Против шерсти

В тот же вечер у нас с Люси состоялся продолжительный разговор в нашей спальне. Я испытала столько волнений в связи с приездом девушек, что была рада облегчить душу в откровенной беседе с Люси. Мне казалось, что я могу ей довериться, памятуя о нашем знакомстве в Фолкстоуне; кроме того, простота ее обращения подействовала на меня успокаивающим образом.

– Что это вы так пристально меня рассматриваете? – спросила Люси, стоя среди комнаты в хорошеньком белом пеньюаре и расчесывая свои короткие выющиеся волосы.

– Во-первых, – отвечала я, – я удивляюсь, почему у вас такая прическа – как у мальчика.

– А просто мне так очень нравится! – засмеялась она. – Подумайте, сколько времени я выгадываю! Я могу по крайней мере лишнюю четверть часа пролежать утром в постели, так как для моих волос достаточно только провести по ним несколько раз щеткой – и моя куафюра¹ готова. Вообще, я поставила себе целью быть в жизни простой, рассудительной и полезной другим, не особенно заботясь о своей наружности. Я не наделена красотой, но нисколько не горюю об этом. Вот вы, Маргарет, очень хорошенькая.

– Перестаньте, пожалуйста, – перебила я, почувствовав, однако, что покраснела от удовольствия, так как я была очень самолюбива и легко поддавалась лести. Моя мама давно подметила во мне эту склонность и часто твердила мне: «Ты должна главным образом заботиться о развитии своего ума и о том, чтобы выработать характер, а о внешности не стоит хлопотать». Одно время она даже запрещала мне носить шляпу, которая, по общему мнению, очень шла моему лицу.

– Вы будете, по всей вероятности, высокого роста, стройная и грациозная, – продолжала Люси. – Будь я на вашем месте, я носила бы распущенные волосы; это очень бы вам шло. Я же сама даже очень довольна тем, что я не такая уж красивая и что мне не надо остерегаться загара и вообще обременять себя заботами о своей внешности. Но что такое с вами, Маргарет, вы все меняетесь в лице – то хмуритесь, то краснеете?

– Моя мама не желает, чтобы со мной говорили о моем облике, поэтому, Люси, прошу вас, перемените тему разговора.

– Ах, скажите, пожалуйста! Какая вы благонравная девица, просто удивительно! – снова засмеялась Люси. – О чем же вы хотели бы поговорить? – спросила она с напускной покорностью.

– Пожалуйста, только не смейтесь надо мной! – нетерпеливо ответила я.

– Я что-то не понимаю вас, Маргарет. Вы какая-то странная – что ни скажешь, все вам не так. Но мы вчетвером скоро выбьем эту блажь из вашей головы.

– Поговорим лучше о других, а не обо мне, – попросила я, присаживаясь ближе к Люси. – И прошу вас, Люси, будьте снисходительны ко мне: я ведь совсем не привыкла к обществу сверстниц, я единственная дочь у родителей и росла в доме одна.

– Если вы будете смотреть на нас как на сестер, – отвечала она, – то мы все вас искренне полюбим.

– Я буду совершенно откровенна с вами, – призналась я. – Вначале, когда мама объявила мне, что вы все приезжаете сюда, я чуть с ума не сошла от волнения. У меня ведь никогда не было подруг, кроме Джека я ни с кем не дружила.

– Ах, это ваш брат? – спросила Люси.

¹ Куафюра – прическа (от франц. *coiffure*).

– Да, мой милый, славный, единственный брат!

– У меня тоже только один брат – Фрэнк. Но я не скажу про него, что он милый и славный: иногда он бывает довольно-таки несносным, хотя все-таки он добрый малый. Мы с ним часто не в ладах, но тем не менее очень привязаны друг к другу.

– Я буду очень рада рассказать вам подробнее о Джеке, я обязательно покажу вам его карточку. А теперь...

– Что теперь? – переспросила Люси.

– Расскажите мне что-нибудь о Веде – она меня очень интересует.

– Я еще мало знаю ее, но она мне очень нравится. А вам?

– Я просто в восторге от нее.

– Ох, какая вы порывистая! Знаете что, я боюсь, что вам с вашей впечатлительной натурой придется испытать кучу неприятностей. Хорошо бы вам относиться ко всему проще.

– Что же делать, если я такая от природы, – ответила я. – Уж если я кого люблю, то люблю, если же ненавижу, то ненавижу от всей души.

– А меня вы сильно ненавидите? – спросила Люси.

– Нет, что вы! Вы составляете исключение. Я вас люблю, хотя, если честно, не скажу, что особенно сильно.

– Благодарю покорно, – ответила она. – Я, кажется, понимаю, что у вас на уме. Ну, а что вы, например, скажете про американок?

Я взглянула на нее, улыбнулась и, покачив головой, ничего не ответила.

– Ну, знаете, вам лучше постараться поладить с ними. Это отличные девочки! Они будут оживлять всю нашу компанию.

– Я, пожалуй, еще примирилась бы с ними, если бы они не гнусавили так ужасно и не одевались бы так смешно. Их выговор в нос просто невыносим!

– Но, согласитесь, в них есть что-то очень привлекательное. Они такие веселые! Ну а говорят в нос – что ж, так говорят все американцы. Может быть, когда они пробудут несколько лет в Англии, то переймут у нас наши жеманные манеры.

– Жеманные манеры! – воскликнула я. – Что вы хотите этим сказать?

– Вы отлично понимаете, Маргарет, что я хочу сказать. Мы ведь, англичанки, держим себя ужасно натянуто; мы очень скрытные, и в нас много напускного. Я не говорю о таких девушках как Веда, которая держится с большим достоинством и в то же время с привлекательной непринужденностью. Я говорю вообще о большинстве английских девиц, как вы или я, например.

Поболтав еще немного, мы улеглись спать. Теперь я была уже не единственной обладательницей своей хорошенькой спальни – у меня появилась соседка. И под одной кровлей со мной спали милая Веда и две эти американки, которым суждено было стать моими мучительницами, но, с другой стороны, благотворно повлиять на мой своенравный и чересчур себялюбивый характер. Но это станет понятно из моего дальнейшего рассказа.

На следующее утро я проснулась, когда еще только рассветало. Люси, которой требовалось так мало времени на утренний туалет, еще спала крепким сном, и я не стала ее будить. Я вышла в сад, чтобы срезать цветы для украшения нашего чайного стола. Вдруг я услышала чей-то веселый голос и увидела приближающуюся ко мне Адель Спаркс. На ней было то же самое короткое, дурно сшитое платье, в котором она приехала накануне; волосы были плохо причесаны, и вся она имела довольно неряшливый вид. Но при этом, однако, она производила приятное впечатление своим миловидным лицом и веселой непринужденностью.

– Доброе утро, мисс Паинька! – поздоровалась она.

– Пожалуйста, не называйте меня так, – обидчиво отозвалась я.

– Почему же не называть вас по имени, которое так вам подходит?

– Вы смеетесь надо мной, и мне это неприятно.

– Уж такая у нас манера, не взыщите! Впрочем, ведь и вы вольны посмеяться надо мной. Ну ладно, полно обижаться, давайте-ка мы лучше обойдем сад, и вы мне покажете все, что у вас тут есть хорошего. А кстати, скажите, как вы вообще намерены себя вести – наводить на нас тоску своим недовольным видом в этом очаровательном приходском домике, среди этой чудной природы, или все же вы позволите нам, девушкам из Калифорнии, вас немного растормошить?

– Из Калифорнии? – переспросила я. – А я думала, что вы приехали из Северных Штатов Америки ².

– Мы довольно долго прожили в Бостоне, но родились мы в Калифорнии. Нас в Бостоне приучали к обществу, но именно в Англии на нас должны навести окончательный лоск. Ну-с, теперь очередь за вами: расскажите мне, как вы проводите время тут, в вашем счастливом английском семейном кругу?

– Как мы проводим время? – повторила я за ней. – Я думаю так же, как его обыкновенно проводят люди, занятые делом.

– Не говорите ерунды, мисс Паинька, ведь это у вас просто фраза. Есть разные способы проводить время; я хочу услышать про ваш глупый, скучный английский способ препровождения времени.

– Это не особенно лестный отзыв, – сдержанно сказала я, – но я отвечу на ваш вопрос, хотя едва ли вам покажется интересным то, что так нравилось мне.

– Все равно, рассказывайте все по порядку.

– До вашего приезда, – начала я, стараясь говорить спокойно, – я вела полезную и приятную жизнь. Я всегда вставала рано. Утром, если погода была не слишком холодной, я ухаживала за цветами в саду, собирала цветы для украшения нашего чайного стола...

– Она ухаживала за цветами в саду, – повторила Адель, удачно подражая моей манере говорить. – Как это мило! Ну-с, дальше, пожалуйста, это очень интересно, и, главное, какое это полезное дело!

– Если вы будете смеяться надо мной, то я не скажу больше ни слова!

– Продолжайте, продолжайте, я не буду смеяться.

– За утренним чаем мой папа обыкновенно читает нам газетные новости о текущих событиях...

– Текущие события? И ваш отец читает новости вслух? Там, конечно, несколько полицейских заметок о разных происшествиях, о двух-трех грабежах, а на закуску – описание какого-нибудь интересного убийства!..

– Ах, как вы несносны! – воскликнула я. – И зачем только вы приехали сюда – чтобы все тут перевернуть вверх дном? Все равно вам здесь, у нас, не понравится, вам совсем не подходит та жизнь, какую мы ведем.

– Но раз уж мы здесь, то и нам, и вам придется мириться с этим фактом. Не глупите же, Маргарет, а лучше рассказывайте дальше. Итак, что же вы делаете после чтения текущих новостей?

– Потом я занималась с моей мамой, а после завтрака мы с ней вдвоем посещали наших прихожан.

– Это зачем? Чтобы раздавать им нравоучительные брошюры?

– Нет, чтобы просто побеседовать с ними... Но вам, вижу, это непонятно.

– Действительно, я не особенно-то понимаю, к чему все это. Но вы вот что мне объясните: когда же у вас тут начинается веселье?

– У нас весь день проходит в приятном времяпрепровождении.

² События, описанные в книге, происходят до Гражданской войны 1861–1865 годов, после которой южные штаты, в том числе и Калифорния, вошли в состав Соединенных Штатов Америки.

– Вы меня удивляете! Неужели вы никогда не смеетесь, никогда не шалите, не поете и вообще не веселитесь от души? Сохрани нас, Господи, и помилуй от такой жизни! Неудивительно, что вы такая благонравная.

– Я до сих пор вела очень счастливую жизнь у себя дома, – возразила я.

– Тогда знаете, что я вам на это скажу? Вы и понятия не имеете о счастливой жизни! О! Как мы с Джулией тут все перевернем вверх дном! Через месяц вы сами себя не узнаете! Хотите, теперь я, в свою очередь, расскажу вам, как мы проводим наш день?

– Расскажите, если хотите, – ответила я, – только, судя по всему, ваш образ жизни едва ли заслуживает одобрения.

– Скажите, пожалуйста! А все-таки, мисс Паинька, выслушайте меня. С самого утра, как проснемся, и до вечера мы все время бездельничаем. Мы поедаем несметное количество сладостей, болтаем, резвимся, попадаем в различные передраги, рвем наши платья, танцуем, скачем, рассказываем друг другу сказки. Вот подождите, вы услышите, как мы хохочем! Увидите, как мы пустимся в пляс! Как мы будем пожирать наши шоколадные карамельки! Ах, Маргарет, не будьте такой жеманной! Признайтесь, что это гораздо интереснее, чем ваши поучительные беседы со скучными прихожанами. Мы, да будет вам известно, просто резвушки, вот мы кто! Мы буяны, настоящие буяны! Конечно, иногда приходится подчиняться воле старших и даже стараться быть добродетельными, как вы, но находить в этом удовольствие – извините! Да, немало вам будет с нами хлопот, с чем вас и поздравляю!

– Вам определенно нельзя будет вести себя так, как вы говорите, здесь, в нашем доме, – строго объявила я. – Вам придется взяться за серьезные занятия и подчиняться установленным в доме правилам. Мне очень жаль вас, Адель. Вам отнюдь не понравится наш английский образ жизни.

Она залилась веселым смехом и шутливо обхватила меня за талию.

– Ну, там еще посмотрим, что будет. А пока солнце сияет, и сегодня дивное утро. Давайте вальсировать! – она увлекла меня за собой, и в одну минуту я, благовоспитанная и чопорная Маргарет Гильярд, помимо своей воли закружилась в вальсе по зеленому лугу, все ближе и ближе к нашему дому.

– Перестаньте! Оставьте меня, Адель! – кричала я, упираясь, но Адель продолжала кружиться со мной – до самого нашего окна в столовой, где мой папа, мой дорогой, милый папа ожидал нас.

– А вот и мы! – весело объявила Адель, входя в столовую. – С добрым утром, сэр. Ну, что новенького в ваших газетах? Вероятно, там есть описание какого-нибудь интересного местного события, вроде воровства или убийства? А вы, Маргарет, кажется, запыхались. Однако этот вальс несомненно очень полезен для вас!

– Идите пить чай, милые мои, – пригласил папа, бросив недовольный взгляд на мои растрепанные волосы.

Адель направилась прямо к стулу рядом с отцом и со словами: «Можно сесть около вас, сэр?» уселась на мое излюбленное место за обеденным столом. Я ожидала, что папа скажет ей, что это «стул Маргарет», но он и не подумал этого сделать.

– Пожалуйста, сэр, – начала Адель, – мне хотелось бы знать... – и, к моему изумлению, она забросала отца вопросами о фактах, которые в то время волновали умы англичан, интересовавшихся политикой.

Отец дал обстоятельные ответы на ее вопросы, пока мама наливала ей кофе. И никто из присутствующих не обращал внимания на то, что я сидела не на своем обычном месте и злилась, как кошка, которую погладили против шерсти.

Глава IV

Откровенные разговоры

Не знаю, право, как это вышло, но все девицы устроились у нас в доме как нельзя лучше, а я очутилась на заднем плане, и это меня страшно обижало. С самого начала я поняла, что этого никогда бы не случилось, и я по-прежнему главенствовала в доме, если бы не Адель и Джулия Спаркс. Но они без лишних слов ухитрились отвоевать мое место и выставить меня в невыгодном свете. Я была уверена, что они постоянно судачили обо мне и посмеивались надо мной. Надо сказать, что я во всем любила придерживаться известного, с давних пор усвоенного порядка. Я очень заботливо относилась к своим вещам; мои шкафы и ящики комода могли служить образцом чистоты и опрятности. Я так искусно умела штопать чулки, что почти невозможно было отличить заштопанные места от цельных. Я умела шить белье, вязать крючком и спицами, вышивать тонкие узоры. Моя мама часто говорила, что у меня есть художественные способности; хотя я никогда не училась рисовать или писать красками, но эти способности проявлялись в моем умении самой составлять рисунки лилий, нарциссов и роз на сукне и на других тканях, а также подбирать тон шелка или шерсти для вышивки.

В августе месяце у нас в приходе устраивался базар, и мы с мамой были очень заняты приготовлением различных безделушек для него; мы полагали, что приезжие девицы тоже примут участие в этих приготовлениях. Я с некоторой гордостью показала им несколько изготовленных мной для базара работ. И что же? Адель ухитрилась тотчас же сбить мою спесь:

– Очень мило, – сказала она довольно пренебрежительным тоном. – Тени подобраны очень недурно, но знаете, у нас в Америке... – И тут последовал длинный рассказ о том, какие удивительные рукодельные работы выставяются на базарах в Бостоне. К концу ее увлекательного рассказа остальные девицы уже не интересовались больше моими работами, и даже я сама перестала считать себя такой искусницей по части вышивания, как думала раньше.

Впрочем, то же самое относилось и ко всем другим моим талантам. Уж, кажется, я была такая мастерица ездить верхом, но Адель легко превзошла меня, вскочив на моего Бобби без седла и заставив этого довольно ленивого шотландского пони скакать таким галопом, что его сонные глаза заблестели от азарта. Ему вовсе не нравилось такое бесцеремонное обращение, но он тем не менее охотно подходил к Адели, когда она подзывала его к себе, и тыкался мордой в ее руку. Я и так была ужасно зла из-за наших новых порядков, но когда эта противная Адель завладела сердцем моего милого Бобби, то я почувствовала себя совершенно несчастной.

Хуже всего было то, что и Адель, и Джулия, несмотря на то, что они часто нарушали распорядок нашей домашней жизни и довольно небрежно относились к своим занятиям, все-таки не делали ничего такого, за что их можно было бы серьезно бранить. Большей частью наша учительница была ими довольна. У Адели оказался большой талант к музыке, и она свободно читала ноты с листа. А что касается танцев, то их умение выделять различные па возбуждало всеобщий восторг. Даже папа с мамой стали расхваливать Адель и Джулию, они говорили, что эти девочки очень оживляют наш старый дом, и их пребывание у нас принесет мне огромную пользу. У нас было несколько соседей, с которыми мы были дружны; они заходили навестить маму и посмотреть на наших гостей. Они восхищались Ведой, скептически смотрели на американок, но дружно повторяли: «Как это хорошо, что у Маргарет есть такие подруги!» Ах, как я злилась на такие замечания! Иногда мне казалось, что я готова сойти с ума... Мне некому было излить свою душу, так как Люси была полностью увлечена этими несносными американками, а Веда все еще не проявляла ко мне особого расположения. Сама она всегда вела себя необыкновенно тактично; она мало говорила, но пленяла всех своей милой улыбкой и нежным голосом.

Однажды, спустя уже месяц после приезда девушек, когда в доме установился новый порядок и все у нас, по моему мнению, пошло кувырком, я сидела с Люси в нашей классной комнате.

Мы были дома одни: Адель и Джулия поехали кататься с моей мамой, а Веда качалась на гамаке в саду. Я смотрела на нее из окна и любовалась ее грациозной позой и ниспадающими на плечи локонами. Люси в это время вполголоса твердила свой французский урок. Эта манера заучивания урока донельзя раздражала меня, и я заткнула уши пальцами, чтобы не слышать ее бормотанье.

Так прошло некоторое время; вдруг Люси подскочила ко мне и, приложив губы к самому моему уху, крикнула во все горло:

– Ну-с, вы, лентяйка! Я кончила свой урок!

Я в негодовании вскочила с места.

– Пожалуйста, никогда не позволяйте себе таких шуток со мной! – вскричала я. – Вы совсем оглушили меня, вы могли повредить мне барабанную перепонку!

– Вот уж вздор-то! – отвечала Люси. – А зачем, спрашивается, вы заткнули уши? Не было никакой надобности этого делать. В итоге вы сами заставили меня кричать так громко...

– Нет, была надобность, – возразила я. – Разве можно выучить эту страницу из Расина³, когда вы тут все бормочете одну и ту же фразу из вашего урока. Это мне ужасно мешало! Знаете, Люси, мне кажется, что вы вообще очень невнимательны к другим.

– Так вы бы просто мне сказали, я бы и перестала. Какая вы странная, Маргарет! Вы мучаетесь, терзаетесь, но никогда ничего не скажете. Это невыносимо! Вы воображаете, что мы ничего не замечаем, однако мы все прекрасно понимаем. И вы совершенно напрасно делаете из мухи слона.

– Что вы хотите этим сказать? – покраснев, спросила я.

Люси отошла от меня и остановилась у открытого окна.

– Веда тоже замечает, что вы чем-то недовольны, – сказала она, – и очень этим опечалена. Она отчасти входит в ваше положение и очень жалеет вас.

– Жалеет меня? – переспросила я и почувствовала, что краска на моем лице сменилась бледностью.

– Конечно, жалеет: она видит, что вы страдаете. Но мы ведь не напрашивались к вам, этого пожелала сама ваша мама. Мы думали, что вы примете нас как сестер. А вместо этого...

– Ах, не говорите, пожалуйста! – сказала я недовольным тоном. – Я стараюсь побороть себя, но просто не могу, я не в силах...

И я ударилась в слезы. На открытом, честном лице Люси Драммонд появилось выражение недоумения.

– Так не лучше ли тогда нам просто уехать от вас? – сочувственно спросила она.

– Нет, это невозможно. Мои отец и мать хотят, чтобы вы оставались здесь, а я...

– А вы ненавидите всех нас, не так ли?

– Нет-нет, нисколько, ни вас, Люси, ни Веду. Мне даже очень нравится Веда. Если бы я поближе сошлась с ней, то, наверное, полюбила бы ее.

– Вы тоже очень нравитесь Веде. Она часто говорит со мной о вас, последний раз – не далее как сегодня утром; она тоже хотела бы сблизиться с вами.

– Веда хотела бы подружиться со мной?

– Да, но она говорит, что вы сторонитесь ее. Веда не такая, как многие девушки, – ей многое пришлось испытать в своей жизни.

³ Жан Расин (1639–1699) – знаменитый французский поэт и драматург.

– Да, она рассказывала мне кое-что. Она тоже была единственной дочерью в семье, и я тогда подумала, что это обстоятельство послужит к нашему сближению. Но мне как-то все не удается подружиться с ней.

– Так ведь вы сами избегаете любого сближения. Повторяю, вы все время из мухи делаете слона. Вы представляете себя несчастной, а должны бы считать себя самой счастливой девушкой в мире!

– Что за глупости вы говорите! – возразила я, хотя была довольна возможностью откровенно поболтать с Люси.

– Нет, вовсе не глупости, – ответила она. – У вас такой чудный дом, отец ваш – замечательный человек, каких мало на свете, ваша мать – прелестная, дельная, добрейшая женщина, у вас в доме полнейшее довольство, а теперь у вас есть еще и подруги!

– Я была счастливее дома одна, до вашего приезда к нам, – проговорила я.

– Может быть, вы и были счастливее, но это счастье со временем стало бы не таким уж прочным. Вы просто превратились бы в сварливую, занятую исключительно одной собой старую деву. Я могу себе представить, как вы заботились бы только о чистоте ваших комодов, о своей прическе, как ухаживали бы за вашими цветами, как занимались бы вашими вышивками, а больше ничего вам и не было бы нужно на свете. О, вы должны еще благодарить свою судьбу, что мы вовремя приехали сюда!

– Да я ничего не имею против того, чтобы вы жили у нас, Люси, – откровенно ответила я. – Я уступила вам половину своей комнаты; я стараюсь не обращать внимания на то, что вы повсюду разбрасываете свои вещи и небрежно обращаетесь с вашими лентами, перчатками и платьями... И уж, конечно, никто, кажется, не мог бы тяготиться присутствием Веды, потому что она и в самом деле такая рассудительная и милая. Но вот эти американки!.. Эта Адель – ужасная неряха, платья на ней сидят безобразно. Да и Джулия ничуть не лучше! Но обе они первенствуют тут, у нас в доме, так что во всем приходится им уступать...

– Ага, так вы просто ревнуете! Это же ясно как день, – насмешливо сказала Люси.

– Нет, не ревную. Впрочем, пожалуй, вы и правы. Мне просто обидно видеть, как мой отец громко и от души смеется над глупыми остротами этой противной Адели.

– Она вовсе не глупа, она очень даже остроумна, – серьезным тоном возразила Люси.

– Ах, Люси и вы не лучше других! Ну, одним словом, делайте что хотите, но я просто не в состоянии восторгаться этими девицами: и говорят они в нос, и манеры у них неприличные... Если бы можно было как-нибудь избавиться от них, то я всей душой привязалась бы к вам и к Веде.

– Ну, они-то меньше всего думают о том, чтобы уехать от вас. Впрочем, говоря откровенно, я думаю, что именно эти американки и принесут вам больше всего пользы во многих отношениях, то есть в том случае, если вы победите себя и отнесетесь к ним менее враждебно, – продолжала Люси. – Но вот что, Маргарет, идите-ка и поговорите откровенно с Ведой. Смотрите, какая она милая там, в гамаке.

Но в эту минуту я отнюдь не была расположена последовать совету Люси: она тоже погладила меня против шерсти. Я ничего ей не ответила, но, убедившись в том, что уже не в состоянии снова засесть за своего Расина, я закрыла книгу, аккуратно сложила свои учебники и отправилась из классной в свою комнату.

Увы! Она уже не была вполне моей собственной комнатой; половина ее принадлежала Люси; хотя ее и можно было принять за образец аккуратности по сравнению с американками, но она все-таки далеко не отвечала моим представлениям о порядке и опрятности. Сейчас, например, на ее постели валялась пыльная и затасканная матросская шляпа, возле нее брошена пара перчаток, скомканный галстучек валялся тут же. Ее туалетный столик был весь в пыли; щетка и гребенка не были убраны в ящик столика. Все это можно считать пустяками, но меня это страшно раздражало, в особенности, когда вдобавок я увидела, что в одном из ящиков

ее комода в беспорядке напихано столько разных вещей, что ящик с трудом закрывался. Я открыла один из ящичков своего комода и не без гордости осмотрела свои аккуратно сложенные вещи.

Причесавшись, надев шляпу и садовые перчатки, я побежала вниз. В моем распоряжении было ровно два часа до того времени, когда мне предстояло вернуться домой к чаю. «Как я проведу это драгоценное свободное время?» – задала я себе вопрос. Я вышла в нашу библиотеку и на минуту остановилась у открытого окна. Теперь и в этой комнате уже не было прежнего порядка, и тут виднелись следы нашествия приезжих девушек. День был жаркий, и сад выглядел нарядно и празднично. Веда по-прежнему качалась в гамаке, и ее белое платье красиво выделялось на фоне зелени. У меня промелькнула мысль: не пойти ли к ней в сад и, встав возле нее, сказать: «Веда, я здесь, – я, Маргарет Гильярд, никем не понятая девушка. Сжальтесь надо мной и откройте мне тайну, которой вы обладаете, – как всегда иметь такое счастливое лицо и такую ясную улыбку?»

Я почти уже решилась подойти к Веде и сказать ей что-нибудь в этом роде, и тогда, возможно, мне удалось бы избежать всех моих последующих злоключений, и у меня на совести не лежал бы тот дурной поступок, в котором я так раскаиваюсь. Но как раз в ту минуту, когда я обдумывала, как начать разговор с Ведой, к ней через луг подбежала Люси. Вид Люси с ее красным лицом и черными пронизательными глазами, а также вся ее нескладная фигура почему-то охладили мой порыв.

«Какая она непоследовательная, – с раздражением подумала я. – Она же прекрасно поняла, что мне хотелось бы поговорить по душам с Ведой. Сама же и уговаривала меня решиться на это, и вдруг теперь, как раз когда я уже решила подойти и откровенно объясниться с Ведой, с этой милой, хорошей девушкой, у которой, наверное, чуткая душа, она появляется как будто нарочно, чтобы помешать мне выполнить мое благое намерение. Ну что ж, хорошо, раз они такие закадычные подруги, пусть себе дружат. Только я не позволю им болтать обо мне за моей спиной! Я догадываюсь, что они в эту минуту говорят именно обо мне; по всему видно, что Люси не утерпела и полетела пересказать Веде наш разговор. Это невыносимо!»

И я в одну секунду очутилась возле них.

– Ах, вот и вы, Маргарет! – воскликнула Люси. – Я только что сообщила Веде, что вы...

– Что вы сообщили Веде? – спросила я холодным, вызывающим тоном.

– Я сказала ей только, что вы хотели бы побеседовать с ней, и она...

Веда поднялась с гамака, отряхнула свое платье, сдвинула шляпу со лба и посмотрела на меня своими чудными, ясными карими глазами.

– Не пойти ли нам прогуляться в лес, Маргарет? – спросила она своим ласковым голосом. – Я с большим удовольствием прошла бы с вами.

– Нет, я не могу идти с вами, – ответила я, вовсе не думая о том, что могу обидеть ее своим ответом. – Идите лучше с вашей Люси! Там вы можете продолжать ваш интересный разговор обо мне, там никто вам не мешает. Идите, пожалуйста, я не буду вас задерживать!

– Что вы хотите этим сказать? – спокойно обратилась ко мне Веда.

– Я прекрасно знаю, какого все вы мнения обо мне, – отвечала я, – и я вам прямо скажу, что мне это совершенно безразлично. Я ни с кем из вас не намерена дружить. И я не понимаю ни вас, ни вашу манеру держаться со мной. Что вы так удивленно смотрите на меня? Да, я знаю, что я, по-вашему, – самолюбивая и злая. Можете толковать об этом сколько вам угодно, только знайте, что мне решительно нет никакого дела до этого!

Не успела я произнести эти слова, как, разумеется, уже пожалела о своей вспыльчивости. Но я была в каком-то исступлении и не вполне сознавала, что говорила. Я с самого детства была подвержена сильным припадкам гнева, иногда по самому ничтожному поводу. Правда, в течение последних лет я в значительной степени избавилась от таких вспышек. И вот теперь снова не сдержалась...

В черных глазах Люси загорелся гнев, но Веда смотрела на меня с грустью. Я была не в силах выносить ее взгляд и убежала.

Вскоре, запыхавшись, я остановилась в роще, которая тянулась на несколько миль вокруг нашего дома.

Я всегда любила лес, любовалась ветвистыми дубами и буковыми деревьями. Прохаживаясь теперь под их сенью, я вспомнила выражение лица Веды и от души пожалела о том, что так обидела ее.

«Кажется, я становлюсь совершенно невыносимой, – подумала я. – Если так будет продолжаться, то мне надо будет поговорить с отцом. Я скажу ему, что эти девицы должны уехать от нас, или же я сама уеду из дома, потому что я уже действительно больше не могу их терпеть. Ах, Боже мой! Как бы я хотела с кем-нибудь посоветоваться, поговорить по душам!»

И только я так подумала, как вдруг увидела среди деревьев Сесилию, собиравшую в свой передник валежник для очага. На руке у нее висела корзинка, наполненная чудными полевыми лютиками.

– Ах, это ты, Сесилия! – вскричала я и побежала к ней. Кажется, никогда в жизни я так не радовалась встрече, как теперь, когда увидела свою прежнюю любимую подружку. – Как я рада тебя видеть! – продолжала я и, обвив руками шею Сесилии, разразилась горячими слезами.

– Полноте, мисс Мэгги! – утешала меня Сесилия. – Да что это такое с вами, говорите же скорее, милая мисс Мэгги! Что случилось?

От волнения Сесилия выронила из передника собранный ею хворост, корзинка свалилась с ее руки и опрокинулась, цветы рассыпались по траве.

– Ах, да что же это с вами, мисс Мэгги? – повторила она. – Не плачьте, пожалуйста! Да что же это такое?..

– Я несчастна, совсем, совсем несчастна! Сердце мое разрывается! – с трудом выговорила я и, сев на землю, продолжала плакать – до тех пор, пока слезы не иссякли.

Сесилия присела рядом со мной.

– Перестаньте же, мисс Мэгги, – она обнимала меня и успокаивала своим ласковым, нежным голосом.

Наконец я приподняла свое заплаканное лицо с опухшими от слез глазами.

– Дай мне твою руку, Сесилия, – попросила я, и милая девочка крепко обняла меня и прижала мою голову к своему плечу. Это действовало на меня успокаивающе. В эту минуту мне и в голову не приходила мысль, что я – дочь пастора Гильярда, а она – дочь лесничего. Я могла кичиться своим положением в прежние, счастливые дни, но теперь, когда со всех сторон, как я себе представляла, ко мне относились недружелюбно, я была невыразимо тронута участием бедной маленькой Сесилии.

– Ну вот, так-то лучше, – сказала Сесилия, заметив, что я перестала плакать. – Вы меня ужасно напугали. Что же такое с вами случилось?

– Ты меня любишь, не правда ли, Сесилия?

– Конечно, очень люблю, милая мисс Мэгги. О, мисс Мэгги, вы меня тогда точно ножом в сердце кольнули, помните, с месяц тому назад, когда сказали, что у вас будут новые подруги и что вы больше знаться со мной не хотите.

– Да, это было очень глупо с моей стороны, – призналась я. – Я люблю тебя больше всех других моих подруг, Сесилия!

– Ах, неужели вы говорите правду? Вы не поверите, как вы меня утешаете этими словами!

– Да почему же? – спросила я, глядя на нее с удивлением. – Ведь мы так редко видимся с тобой.

– С меня достаточно хотя бы издали смотреть на вас и знать, что вы относитесь ко мне по-прежнему, – с улыбкой ответила Сесилия.

Ее слова польстили моему самолюбию, и я, утерев следы слез, проговорила:

– Может быть, это неразумно с моей стороны, но все равно меня радуют твои слова. Мне очень приятно слышать, что ты так любишь меня, Сесилия.

– Да я не только люблю, я просто обожаю вас, – повторила Сесилия. – После нашего последнего свидания я все ночи не могла заснуть из-за слез. И мама мне сказала, что если я буду так сокрушаться, то она пойдет к вам и расскажет обо всем вашей мамаше. Но мы с мамой все же думали, что вы не хотели меня обидеть понапрасну, и что вы все же хоть немножко да любите меня, милая мисс Мэгги.

– Да, я к тебе очень привязана, Сесилия, – сказала я, – и очень рада, что и ты меня любишь. Мы должны непременно видаться с тобой, хотя бы время от времени. Тогда я думала, что буду занята этими приезжими девицами и мне некогда будет встречаться с тобой, но, оказывается, я ошибалась. Теперь я убедилась, что эти девицы вовсе не годятся мне в подруги.

– Они, должно быть, все препротивные, – вставила Сесилия.

– Ну, нет. Я прежде всего должна быть справедлива. Одна из них, которую зовут Люси Драммонд, хорошая девушка, и есть еще другая, Веда Конвей, – прехорошенькая и очень умная.

– Ах, да, я видела ее, видела! – воскликнула Сесилия. – Такая недоступная и холодная девица, не правда ли?

– О нет, нисколько! Ты ведь, вообще-то, немного видела молодых барышень и не имеешь понятия о том, какие из них хорошие, а какие – нет.

– Вот вас я знаю, мисс Мэгги, и знаю, что вы самая красивая и изящная барышня, какую только можно себе представить.

– Перестань, пожалуйста, Сесилия, – самодовольно улыбаясь, прервала я подругу. – Однако ты отлично умеешь подольститься!

– Я нисколько не лгу, а говорю сущую правду.

– Во всяком случае, мне очень приятно, что я могу высказать тебе откровенно, что у меня на душе. Из этих девиц мне особенно ненавистны две американки...

– Я сразу угадала, что они не англичанки! – вскричала Сесилия. – Я видела их в церкви и сказала потом своей маме: «В жизни не видела таких пугал, как эти две приезжие барышни в их коротеньких платьях! Никогда на свете не поверю, чтобы моя милая мисс Мэгги могла с ними подружиться!» Так я прямо и сказала, можете спросить у мамы, если не верите.

– Да, они ужасные, – согласилась я. – Невоспитанные и очень неприятные девицы...

– Я видела час тому назад, как ваша мамаша проезжала мимо нашего дома, и эти американки сидели с ней в вашем кабриолете. Ваша мамаша была так весела и ласкова с ними, – продолжала Сесилия.

– Ах, не говори мне про них, пожалуйста! Я хотела бы вообще позабыть, что они существуют на свете!

– И это самое лучшее, мисс. Но мне-то чем же вас утешить?

– Для меня уже и то утешение, что есть человек, который меня понимает и сочувствует мне. Я хотела бы почаще встречаться с тобой, Сесилия, например, здесь, в лесу. Только ты не должна никому говорить об этом!

– Это будет тайной между нами! Вот это мне очень нравится! – сказала она с сияющими от радости глазами.

– Я буду приносить тебе сюда книжки с рассказами. Возможно, иногда принесу фрукты с нашего стола или какие-нибудь красивые цветы из нашего сада.

– Ах, мисс, мне решительно ничего не нужно, кроме вас самой! Я буду ходить сюда каждый день и надеяться, что, может быть, случайно встречу вас.

– Пожалуйста, Сесилия. А я буду приходить, как только у меня появится возможность. И если ты меня здесь не найдешь, то знай, что меня задержали дома. Для меня всегда будет приятно поболтать с тобой, поделиться своими впечатлениями.

– Да, да! Вы должны все мне рассказывать, мисс, все, что вас касается!

– Я тебе расскажу все, чем захочу с тобой поделиться. И, кажется, найдется немало, потому что я очень несчастна...

– А я вот зато теперь вполне счастлива! – объявила Сесилия. – С тех пор как вы обещали быть откровенной со мной, для меня опять засияло солнышко и мое сердце радуется. Вот удивится моя мама!

– Но помни, Сесилия, что все, что я буду тебе рассказывать, должно храниться в строжайшей тайне!

– Да у меня скорее язык отсохнет, чем я проговорюсь.

– Я надеюсь, что могу на тебя положиться. Теперь, когда я знаю, Сесилия, что ты ко мне так привязана и что я могу откровенно говорить с тобой, мне уже гораздо легче.

– Да и верно, мисс. Все эти приезжие барышни ужасно неприятные, все до единой!

– Положим, некоторые из них – да, но не все они одинаково несносны. Но дружить с ними я, однако, ни за что не стану. Ну ладно, Сесилия, прощай. Ты очень утешила меня, я тут с тобой облегчила свою душу. Можешь поцеловать меня еще раз на прощанье.

Сесилия принялась крепко обнимать меня и всячески уговаривала принять от нее собранные ею полевые цветы, но я все-таки отказалась. Она собрала свой валежник и удалилась; я следила за ней, пока она не скрылась за деревьями.

«Бедная маленькая Сесилия! – подумала я. – Она так любит меня! Только она понимает и жалеет меня!»

Теперь, когда я чувствовала себя несчастной и, как сама воображала, всеми покинутой, я уже не попрекала Сесилию ее низким происхождением.

Насколько же я была самолюбива и склонна к лести!..

Глава V

Письмо Джека

Я вернулась домой позже, чем следовало. Занятая мыслями о Сесилии, вспоминая ее приятный голос и лестные слова, так успокоительно подействовавшие на мое ожесточенное сердце, я медленно шла лесом по направлению к дому. В сущности, Сесилия оказывала на меня вредное влияние, так как своими неблагодарными, хотя и приятными для моего самолюбия словами она усиливала во мне чувство обиды, которого я не должна была бы питать, и своими льстивыми похвалами подогревала мое ложное чувство отчужденности от близких мне людей. Я много думала и о ней, и о своих собственных горестях.

В итоге я вернулась домой, когда чаепитие уже закончилось. Обязанность разливать чай обычно лежала на мне, и я, слыша веселые голоса собравшихся за чайным столом, невольно задала себе вопрос: кто в мое отсутствие мог бы заменить меня?

«Ну, вот, – подумала я, – я еще только приближаюсь к дому, но уже слышу эти противные гнусавые возгласы американок, громкий, грубый голос Люси и благовоспитанный до приторности голос Веды. Я всех, всех их одинаково ненавижу и не знаю, кто из них мне противнее!»

Такие рассуждения волновали меня, пока я еще находилась по ту сторону изгороди, отделявшей лес от нашего сада и дома; заглянув поверх изгороди, я увидела всех моих товарок на лугу перед домом. Они сидели у столика, на котором стояли чайник, чайные приборы и тарелки со сладким домашним хлебом. Вечер был удивительно хорош, и девушки, очевидно, попросили маму позволить им пить чай в саду.

«Только этого не доставало! – подумала я. – Мама никогда, никогда, сколько я помню, не позволяла мне пить чай в саду раньше чем в июне, и вот теперь она изменила своему правилу только потому, что эта ужасная Адель или же отвратительная Джулия пристали к ней. Чем дальше, тем все идет хуже и хуже!»

Первой моей мыслью было незаметно пробраться по задней дорожке сада прямо в дом, но вдруг я почему-то раздумала. Поблизости от изгороди, к которой я прислонилась, находилась маленькая, старая, полуразвалившаяся беседка. Если я заберусь в эту беседку, подумала я, то смогу, оставаясь незамеченной, подслушать разговор девушек. Я даже нисколько не удивилась и не возмутилась, когда мной овладел соблазн подслушать чужой разговор. С самого приезда к нам этих девиц во мне зародились такие нехорошие, завистливые чувства, что я уже была готова к любым неблагоприятным поступкам. Не далее как месяц тому назад если бы кто-либо посмел сказать, что я, Маргарет Гильярд, позволяю себе тайком подслушивать чужие разговоры, то этому человеку не поздоровилось бы! А теперь, едва только эта мысль успела зародиться во мне, как я уже была готова ее осуществить. Я перелезла через изгородь, зашла в беседку и уселась на старую сломанную скамейку.

«Я непременно должна знать, о чем они говорят, – думала я. – Наверное, они тут будут говорить обо мне не стесняясь, и когда я узнаю, какого они мнения обо мне, то буду знать, как мне самой держаться с ними. Я делаю это только для самозащиты, – оправдывалась я перед самой собой, – и, следовательно, в моем поступке нет ничего дурного».

Нисколько не подозревая о моем присутствии поблизости, девушки вели очень оживленный разговор. Прежде всего до меня долетел громкий голос Адели с ненавистным мне выговором.

– Разумеется, мы с Джулией можем устроить это, – говорила она. – Нам часто приходилось играть на сцене в кружке наших друзей, и мы с удовольствием поставим какую-нибудь пьесу.

– Это будет очень весело, – обрадовалась Люси, – я уверена, что это всем понравится. И притом это будет что-то новенькое. Если бы вы и Джулия сейчас же начали готовиться, это было бы великолепно.

– Мы можем приняться за дело не откладывая, – отозвалась Адель. – Я хотела бы хоть чем-нибудь доставить удовольствие нашим милым хозяевам и показать им, что мы глубоко благодарны за их внимание к нам.

Тут вмешалась в разговор Веда:

– Да, постарайтесь показать им, как искренне мы их полюбили и как благодарны им за все!

– Ах, это будет великолепно! – воскликнула Адель, вскочив со своего места. – Я очень люблю декламировать стихи, я вообще люблю всякие сценические представления. Хотите послушать? Я прочту вам монолог «Наш боевой клич».

Тут Адель быстро сняла свою шляпку и бросила ее на траву; потом она вынула гребенку из волос, которые широкой волной спустились на ее плечи. На минуту она замолчала, приподняв голову и устремив глаза к небу. Потом из ее уст полились прочувствованные слова известного американского поэта ⁴.

Девушка воодушевилась и, казалось, совершенно преобразилась под влиянием этого вдохновенного призыва к освобождению людей из рабства.

Вникая в смысл ее речи, я забыла про свою ненависть, забыла, что она не англичанка, а ненавистная мне американка; я сознавала только одно: что она произносила такие возвышенные, полные глубокого смысла слова, что даже мой отец мог бы избрать их темой для проповеди.

Несколько секунд я простояла, не двигаясь, пока слушательницы громко выражали Адели свое восхищение. Я уже намеревалась выйти из беседки, но как раз в эту минуту насмешливое замечание Джулии заставило меня остановиться:

– Знаете что? – сказала она. – Если я не ошибаюсь, там, в старой беседке, должно быть, прячется кошка! Я сейчас посмотрю, что там такое шуршит.

Никто не обратил особого внимания на ее слова, и она одна подошла к беседке. Джулия заглянула внутрь и увидела меня... Она не проронила ни слова, только своим взглядом как будто пронзила меня насквозь. Затем она удалилась и села на прежнее место среди остальных девиц.

– Ну что, Джулия, нашла кошку? – услышала я вопрос Адели.

– Нет, мне показалось, – ответила Джулия. – Пойдемте в дом. Мне что-то надоело сидеть здесь, в саду. Когда я долго остаюсь на воздухе, у меня начинает болеть голова.

Адель встала, и обе девушки, взявшись под руки, направились к дому. Веда и Люси, однако, остались сидеть на своих местах, а я не смела пошевелиться, опасаясь, чтобы они, как и Джулия, не заметили меня.

– Хотела бы я знать, где сейчас находится Маргарет, – донесся до меня голос Веда.

– Ах, какое вам дело до нее, – отвечала Люси. – Но что это с вами, Веда, вы кажется, чем-то расстроены?

– Я, право, не знаю, но мне как-то не по себе. Но что за чудный монолог! Какая великолепная актриса могла бы выйти из Адели!

– Да, она мастерски декламирует, и каждое слово у нее глубоко прочувствовано. Как бы я хотела, чтобы Маргарет поняла и оценила ее! У Адели точно две натуры: иногда она кажется вполне заурядной шаловливой девчонкой, а иногда она вдруг делается такой вдумчивой и сердечной.

⁴ Имеется в виду Генри Уодсуорт Лонгфелло (1807–1882).

– И про Джулию можно сказать то же самое, – заметила Веда. – Мне кажется, в них обеих много действительно выдающихся качеств, достойных всяческих похвал. Мне тоже хотелось бы, чтобы Маргарет их полюбила. Вообще я очень жалею Маргарет, – добавила Веда. – Ведь мы не должны забывать, что наш приезд был для нее жестоким ударом.

– Жестоким ударом! – вскричала Люси. – Какая ерунда! Ради Бога, Веда, не надо сентиментальничать насчет Маргарет и ее припадков ревности.

Веда ничего не ответила на это, и обе девушки пошли к дому.

Наконец голоса девушек сменились тишиной, но я все не выходила из беседки. На меня напал страх. Джулия видела меня, она поняла, что я притаилась в беседке, чтобы подслушать, о чем они говорят, и заметила мое сконфуженное, покрасневшее лицо. Я ожидала, что она громко вскрикнет, чем заставит меня выйти и показаться перед всеми. Но она пощадила меня...

«О, конечно, я была неправа! – сказала я сама себе. – Это было какое-то безумие, зачем только я спряталась в этой беседке! Я не понимаю, что со мной случилось. Теперь я в полной власти этой ненавистной Джулии! Теперь она может заставить меня делать все, что захочет, – ведь я скорее готова умереть, только бы мои родители не узнали, что я унизилась до подслушивания!»

Я оставалась в беседке почти до самого обеденного времени и только потом пошла в дом. Я испытывала смешанные чувства стыда и страха, поднимаясь наверх, в свою комнату. Конечно, и Люси, и Веде все уже было известно. Правда, Джулия была столь любезна, что не объявила во всеуслышание, как она застала меня в беседке, но теперь, наедине с остальными девицами, она, конечно, скажет им все.

Я быстро вошла в свою спальню. Если бы Люси было известно, что произошло в беседке, и если бы она начала укорять меня, то я решила прямо сказать ей, что мое положение в доме невыносимо, и что я подслушала их разговор только в целях самозащиты; затем я объявила бы ей, что она и ее подруги могут думать обо мне все, что им угодно, так как мне это решительно безразлично. Однако одного взгляда на спокойное лицо Люси было достаточно, чтобы убедиться, что ей пока еще ничего не известно о моем проступке.

– Как вы сегодня опаздываете, – спокойно заметила она своим обычным тоном. – Уже был первый звонок к обеду, а через минуту-другую будет второй. Не помочь ли вам, Маргарет? Хотите, я поправлю ваши волосы?

– Благодарю, – холодно ответила я, – я и сама могу справиться, – и тотчас же прошла на свою половину спальни.

Ах, какой же нехорошей я становилась! Люси ничего мне не ответила, но было слышно, что она многозначительно вздохнула. Я тоже не промолвила ни слова, но с нескрываемым презрением посмотрела на беспорядок, царивший на ее половине комнаты. Я переоделась в светлое платье, которое всегда надевала к обеду, пригладила свои выющиеся черные локоны и надела голубой пояс. Покончив со своим туалетом, я стала у открытого окна и вскоре услышала, как Люси подходит ко мне сзади. Теперь мне кажется, что стоило мне обернуться к ней в эту минуту, как она приласкала бы меня, и тогда едва ли приключилось бы все то, что произошло впоследствии. Но я не двигалась с места, а наоборот, даже слегка отвернулась при приближении Люси.

– Что такое с вами, Маргарет? – спросила она. – Вы как будто расстроены или даже сердиты?

– Это вовсе не ваше дело, сержусь ли я или нет, – отрезала я.

– Может быть, и так, – возразила она, – но своим недовольным видом вы очень огорчаете нас – и меня, и Веду.

– Ах, не надоедайте мне с этой вашей Ведой!

– Вы не вправе относиться к ней так пренебрежительно, – недовольным тоном заметила Люси. – Она такая славная девушка, я не знаю другой, подобной ей. Знаете, что я вам скажу? Было бы очень полезно для вас, если бы...

– Если бы что? – перебила я.

– А вот что: дать вам хорошую взбучку да на час-другой запереть в темной комнате!

– А вы прямо напрашиваетесь на то, чтобы вам сказали, что вы дерзкая девчонка, – резко бросила я в ответ.

В это время раздался звонок к обеду.

– Право, любопытно было бы узнать, почему это вам хочется непременно отравить нам всем жизнь? – со смехом сказала Люси. – Перестаньте, Мэгги, давайте-ка лучше будем друзьями!

– Я попрошу вас не называть меня Мэгги, – перебила я ее. – Меня зовут Маргарет, а Мэгги меня могут называть только мои самые близкие друзья.

В ответ я услышала:

– Я очень жалею, что мне приходится спать в одной комнате с вами, и я буду просить миссис Гильярд, чтобы она перевела меня в комнату Веды. Я уверена, что ваша мама не будет против. Я не хочу оставаться в одной комнате с девушкой, с которой я не могу дружить.

Это заявление Люси очень расстроило меня: какой бы злой и непокорной я ни была, мне все-таки совершенно не хотелось, чтобы мои папа и мама узнали о моем скверном поведении. Разве я не обещала своему отцу, что буду вести себя хорошо, что буду тепло обращаться с приезжими девушками, что буду относиться к переменам в нашем доме сколь возможно терпимо. И что же? Выходит, я самым бессовестным образом нарушила данное отцу слово! Эта мысль привела меня в ужас, и потому я обратилась к Люси с просьбой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.